

тряпичных, оловянных, театральных), инкрустация по камню, резьба по дереву, по кости, лаковая миниатюра, печное и каминное дело, плетение из растительных волокон, работа с бисером, обработка кожи и меха, шорное дело, изготовление книжной миниатюры, вязание и кружевоплетение, моделирование кораблей, оружейное дело (стрелковое и холодное оружие), иконопись, изготовление культовой утвари, а также специальные, в том числе тонкие лабораторные методы исследования состава материалов.

Идея проведения ремесленно-технологического семинара нашла горячий отклик коллег. Мы стремимся объединить все более широкий круг единомышленников, создать условия для обмена знаниями и творческими идеями. Все мы считаем, что нужно стремиться не только зафиксировать исчезающие умения и технологии, но сделать эти знания активными и тем самым способствовать сохранению традиций. Одним из результатов нашей работы стала организация на предстоящем в 2009 г. VIII Конгрессе этнографов и антропологов России специальной секции «Традиции народных ремесел: самобытность и инокультурные влияния», заявки на участие в работе которой подали более четырех десятков специалистов. На этом форуме предполагается не только обсудить теоретические разработки, но и выработать стратегию изучения и фиксации традиционных видов ремесла и технологий.

*М.В. Хартанович*

## **МУЗЕЙНАЯ ИСТОРИЯ КОСТЮМОВ ЧЕРНОГОРЦА И ЧЕРНОГОРКИ**

В 1899 г. из императорского Эрмитажа в Этнографический музей императорской Академии наук были переданы черногорские мужской и женский костюмы (МАЭ. Колл. № 533). Возникает резонный вопрос: каким образом эти костюмы попали в императорское собрание Эрмитажа? Приоткрыть занавес истории черногорских костюмов в России позволили документы, хранящиеся в архиве Государственного Эрмитажа (ГЭ) и Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук.

В 1838 г. костюмы поступили в Царскосельский Арсенал [Арх. ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 83; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 77 об.]<sup>1</sup>, затем были переданы в 1886 г. в Эрмитаж [Арх. ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 82], в отделение средних веков и эпохи Возрождения, но из-за тесноты помещений отделения, переполненности вещами и отсутствия мест для размещения новых поступлений ряд предметов<sup>2</sup>, в том числе костюмы черногорца и черногорки, «попавших в отделение случайно и не имеющих никакого отношения ни к средним векам, ни к эпохе Возрождения».

---

<sup>1</sup> В Арсенале манекены в черногорских костюмах располагались у окна комнаты с огнестрельным оружием. См.: Царскосельский музей с собраниями оружия, принадлежащего Государю императору. СПб., 1860. С. 83.

<sup>2</sup> Из Царскосельского Арсенала через Эрмитаж поступили предметы, зарегистрированные в МАЭ РАН как коллекции № 540 «Албанский костюм», № 548 «Принадлежности мингрельского костюма работы царевны Мингрельской», № 549 «Костюм китайского офицера», № 550 «Два бешмета», № 551 «Принадлежности костюма» (Индия).

дения» [Там же. Л. 55 об.], были направлены в Академию наук, в Этнографический музей [Там же. Л. 56 об.-57, 69, 71, 76, 81, 85; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 58].

Но вернемся к первому собранию, в которое были помещены черногорские костюмы, — Царскосельскому Арсеналу, славившемуся в эпоху императора Николая I как одно из самых богатейших собраний оружия в Европе и самое богатое по восточному оружию.

В выписке из инвентарной книги Царскосельского Арсенала информация о черногорских костюмах уточняется: «Оба наряда поднесены в 1838 г. полковником Озерецковским» [Арх. ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 83; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 142. Д. 51. Л. 77 об.]. Яков Николаевич Озерецковский (1804–1864) вошел в историю как известный деятель Новороссийского края, участник кавказской, турецкой, иранской военных кампаний, литератор. Нельзя обойти вниманием и факт определенной исторической преемственности: Я.Н. Озерецковский был сыном российского естествоиспытателя, директора Кунсткамеры Академии наук с 1800 по 1827 г. академика Николая Яковлевича Озерецковского.

В 1830-е годы Яков Озерецковский служил в корпусе жандармов в чине подполковника, состоял при шефе корпуса графе А.Х. Бенкендорфе. С секретным поручением пребывал в Вене (1836–1839), где собирал сведения о настроениях в национальных окраинах Австро-Венгрии и в соседних с нею странах [Бокова 2003: 304–305].

В 1837 г. Я.Н. Озерецковский по распоряжению императора Николая I был отправлен в Черногорию, чтобы вручить молодому правителю страны Петру II Петровичу Негошу (1813–1851) часть годового денежного пособия черногорскому народу. Озерецковский также должен был давать рекомендации черногорскому владыке по расходованию пособия на народные нужды, составить географическое и экономическое описание страны, о которой в России сведений было не так уж много [Там же: 334–335, 339–343]. Подполковник Озерецковский пробыл в Черногории, в селении Цетинье, с августа по сентябрь 1837 г., в это время черногорский правитель Петр II Петрович Негош снова избрал Сенат, созвал народную полицию; также планировалось расширение застройки Цетинья каменными зданиями, например для будущей школы и для сенаторов; к денежным средствам, положенным российским императором, был приставлен народный казначей, введены правила обращения средств и ведения документации [Бокова 2003: 341; Лавров 1887: 98–99; Ровинский 1889: 224–227]. На основании географических заметок Озерецковского в Черногорию был отправлен горный инженер, а впоследствии и дипломат Е.П. Ковалевский (1811–1868), чьи труды о Черногории широко используются исследователями [Бокова 2003: 343, 366].

Однако историю поступления самих черногорских костюмов в Россию на сегодняшний день полностью раскрыть не удалось. Фонд Царскосельского Арсенала, хранящийся в РГИА, для читателей пока еще не доступен, интересующие нас документы могут храниться в архиве Азиатского департамента МИД, в ведении которого находились Балканы (ныне — часть Архива внешней политики Российской империи, Москва).

Но проделанная работа уже позволяет уточнить датировку костюмов и биографические сведения о собирателе, осветить историю передачи костюмов в

Россию и связать эти экспонаты с личностями российского императора Николая I и правителя Черногории Петра II Петровича Негоша. Вполне логично заключить, что костюмы черногорца и черногорки были подарком одного правителя другому.

Черногорские костюмы были помещены среди собраний Царскосельского Арсенала благодаря ратной славе черногорцев и оружию, входившему в состав мужского костюма. На сегодняшний день в МАЭ РАН из указанного оружия сохранилась пара пистолетов балканского типа, называемые в Черногории «леденице» (в буквальном переводе с сербского — ледяные сосульки). Это пистолеты вытянутой формы, богато отделанные серебром. В 1952 г. из Музея антропологии и этнографии в мемориальный музей А.В. Суворова передано инкрустированное ружье. В ПФА РАН обнаружены документы о довольно значительной краже, совершенной в октябре 1931 г. Были похищены предметы из фондов Северной Америки, Дальнего Востока, но наибольший урон понес именно Европейский фонд [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1–1931. Д. 20. Л. 2, 2 об., 4, 5, 9]. Пострадала и коллекция черногорских костюмов: украден ятаган с рукояткой из моржовой кости в оправе из позолоченного серебра и кораллов и с арабскими надписями по клинку, серебряные лядунки и сальница, из женского костюма — старинный женский кожаный пояс, выложенный серебром и сердоликама, бархатная кофта, украшенная шелковыми и золотыми шнурами [Там же. Л. 4–5]. Предметы костюма наряду с другими коллекциями хранились в чердачном помещении музея. Сотрудники неоднократно обращались в правление Академии наук с прошениями о предоставлении помещения и выделении средств для правильной организации хранилища («магазина», как значится в документах), но ответа не последовало. Приведем отрывок из докладной записки Эконом Бюро музея (1931 г.):

«1. Магазин находится не в одном помещении, а разбросан по разным местам: частью на башне музея, частью в помещении над Управлением делами АН, частью при отделах музея.

2. Хранятся коллекции магазина в такой невероятной тесноте, что доступ к ним совершенно невозможен.

3. Помещения, где хранятся коллекции, не отапливаются, и какая бы то ни была работа там, особенно в зимнее время, абсолютно невозможна.

4. В отношении соблюдения необходимых для сохранности коллекций условий температуры, влажности и дезинсекции, защиты от пыли, выгорания от солнца и пр. магазин находится в возмутительно негодном состоянии: зимою невероятный холод, весной и осенью сырость, летом зной, усиливающийся от раскаливающейся на солнце железной крыши — эти резкие колебания температуры и влажностно-гибельно и разрушающе влияют на все предметы, из коих очень многие большой материальной и научной ценности. Особенно портятся меховые вещи, которые коробятся, вылезают, теряют свой вид и цвет, превращаются в негодную ветошь и совершенно теряют свою этнографическую ценность. К этому еще надо добавить, что так как нормальная дезинфекция и дезинсекция вещей невозможна, ибо шкапы и ящики не закрываются плотно, целый ряд предметов исключительной важности и ценности в ближайшее время могут погибнуть.

5. Магазин никем специально не охраняется и не обслуживается.

Указанное состояние магазина МАЭ привело обследовавшую его комиссию <...> к убеждению, что дальнейшее оставление магазина, в котором хранятся ценнейшие научные сокровища, собранные знаменитыми путешественниками и новейшими этнографами, сокровища, которые являются отчасти единственными в своем роде, а в большей части такими, <...> никогда уже не смогут быть восполнены и восстановлены; хранение коллекций в описанном выше состоянии совершенно недопустимо и граничит с преступлением, как пред наукой, так и пред советской общественностью.

<...> Комиссия подчеркивает, что дальнейшее промедление в этом деле смерти подобно, и считает своим долгом заявить, что при нынешних условиях состояния магазина музей не может нести ответственность за сохранение коллекций магазина и все ответственность перелажает на органы, управляющие Академией наук» [Там же. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 12. Л. 68, 69].

Воры проникли в хранилище по крыше, о чем свидетельствовали валявшиеся на ней китайские статуэтки, разбили окно, вскрыли сундуки и шкафы [Там же. Ф. 142. Оп. 1–1931. Д. 20. Л. 2–3]. Уже через месяц, в ноябре 1931 г., преступление было раскрыто, некоторые вещи вернули в музей [Там же. Л. 6, 10].

Но постановление суда с изложением обстоятельств дела не сохранилось. По устной информации работников архива Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга, архивные материалы за интересующие нас годы были в свое время сожжены. Таким образом, черногорские костюмы стали участниками еще одной интересной музейной истории и, несмотря на утраты, все еще могут предстать во всем своем блеске.

### **Библиография**

*Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 2003. Вып. XII.

*Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош Владыка Черногории. Его литературная деятельность. М., 1887.

*Ровинский П.А.* Петр II Раде Петрович Негош. Владыка Черногории. 1830–1851. СПб., 1889.

*Л.В. Хомич*

## **ИЗ ИСТОРИИ КУНСТКАМЕРЫ СЕКТОР ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СИБИРИ (1956–1991 гг.)**

В задачу настоящего очерка не входит всесторонняя и полноценная характеристика деятельности сектора (отдела) и его сотрудников, это слишком сложная и ответственная тема. Я сочла необходимым лишь напомнить новым поколениям этнографов и краеведов о тех направлениях, в которых работал сектор, и о том огромном вкладе в сибиреведение, который сделали выдающиеся ученые-исследователи, работавшие в нем.

Я начала работать в этом секторе в 1956 г., однако мое знакомство с его сотрудниками состоялось намного раньше — в 1939 г., когда я поступила учиться на кафедру этнографии филологического факультета ЛГУ. Возобновление этно-